

Юрий ОВТИН

Когда в Одессе работали заводы

Если верить статистике, в послевоенной полумиллионной Одессе проживали 13% евреев, которые наряду с украинцами и русскими, итальянцами и французами, молдаванами и греками являлись основным титульным слагаемым одесской нации. Евреи внесли огромный вклад в создание одесского языка и фольклора.

Большая прослойка евреев работала во властных структурах, в научных организациях, составляла костяк инженерно-технических работников на промышленных предприятиях и занималась творческим трудом.

В Одессе в среде победившего гегемона революции — пролетариата — евреев за глаза снисходительно-полупренебрежительно называли интеллигентами. Евреи, впрочем, на это не обижались, а многие из них даже отзываются на это прозвище, хотя подавляющее число из них даже не подозревало, что слово "интеллигент" в переводе с латинского означает "понимающий, мыслящий, разумный".

При устройстве на работу еврейская часть населения города предпочтению почему-то отдавала канатному заводу, хотя и трудоёмкость работы, и условия труда здесь мало чем отличались от таких промышленных предприятий как "Январка", "радиалка", ЗОР или "Центролит". Быть может, потому, что на канатном платили немного больше, да и расположен он был в черте города. Кроме того, "канатка" славилась на весь город своей волейбольной командой, составлявшей костяк сборной области. А многие игроки городской футбольной команды "Пищевик" (ныне "Черноморец") были или работниками канатного завода, или просто получали здесь зарплату, числясь на тех или иных должностях. К слову сказать, бывший вице-мэр Одессы Михаил Иванович Козырев, в прошлом прекрасный футболист, играя за "Пищевик", числился на канатном заводе волочильщиком... Так или иначе, но для того, чтобы устроиться на завод, надо было пройти серьёзный конкурс из нескольких человек или, как сегодня сказали бы, кастинг...

К тому же начальником отдела кадров на заводе был подполковник, бывший гзпэушник еврейской национальности. Ознакомившись с профессиональными навыками претендента на трудоустройство и его рабочим стажем, начальник ОК непременно расспрашивал и о его родословной, отдавая предпочтение кандидатам с еврейскими корнями.

А потому "канатку" (ныне — научно-производственное объединение "Стальканат") одесситы и называли не иначе, как интеллигентный завод.

— Ну хорошо, — говорю я Леониду Петровичу Шемякину, проработавшему генеральным директором "Стальканата" более двадцати лет, — допустим, что на вашем заводе евреев было намного больше, чем на других. Но чтобы и директор завода был евреем — в это верится с трудом.

И действительно: должность директора такого крупного завода в те годы была номенклатурой Министерства металлургии СССР, и чтобы на этом посту не оказался, не дай Бог, агент Запада, наши спецслужбы проверяли биографию претендентов чуть ли не до пятого колена.

— А ведь тут никакого противоречия нет, — хитро прищурился, усмехается Шемякин. — Скажу хотя бы о себе. Ведь мой отец — чистокровный русский, а мама... мама — чистокровная еврейка... Так что завод наш чтит свои традиции и поныне, продолжая оставаться интеллигентным...

Маленький Изя

В былые времена в обеденный перерыв я частенько любил пройтись по Дерибасовской, благо место моей работы находилось от неё в двух минутах ходьбы. На Дерибасовской в те годы в течение дня делал свой маленький гешефт самый разнообразный и колоритнейший люд. На углу Екатерининской улицы подрабатывал, наверное, единственный в городе чистильщик обуви, который "за недорого" мог до звёздного блеска отполировать ваши туфли. А на углу Гаванной доморощенной поэт приятной внешности, в неизменной, зимой и летом, моряцкой мице, с переброшенным через плечо шарфом, настойчиво предлагал гостям нашего города купить у него его собственные стихи за Одессу-маму.

Вдоль Горсада размещались художники — шаржисты, портретисты и умельцы, которые ножницами могли виртуозно вырезать из бумаги ваш профиль. В разных местах Дерибасовской демонстрировали публике своё умение музыканты. Усиленную динамиками мощь рокеров разбавляли мелодичные переливы арфы, виолончели и бандуры. Вдоль улицы то

туда, то сюда сновал мужик с огромными холёными усищами, разодетый в одежду куренного атамана, с которым за небольшую плату весьма охотно фотографировались приезжие. Но самым примечательным персонажем был маленький горбатый мужичок с баяном, лет семидесяти, в неизменной помятой кепке.

Он сидел на раскладном рыбацком стульчике и, наигрывая на баяне мелодии, распевал различные одесские песни. У него были приятный голос и располагающая улыбка, и проходившие мимо люди бросали ему в стоящую на асфальте пивную кружку мелкие деньги. Звали этого мужичка Маленький Изя. Со многими прохожими он заговаривал и предлагал сыграть им песню на заказ.

Когда я впервые проходил мимо него, он вдруг неожиданно громко заиграл браваурный марш "Прощание славянки", а затем встал и отдал мне честь, явно желая познакомиться поближе.

Я остановился как бы в недоумении и словами киногероя из известного фильма сказал: — Ну, это сыграть я и сам смогу, а вот "Мурку" — знаешь?

Маленький Изя широко улыбнулся и запел: — Мура, ты мой мурёночек, Мура, ты мой котёночек...

После этого мне ничего не оставалось, как бросить в его пивную кружку небольшую купюру.

С тех пор, едва завидев меня, маленький Изя начинал играть "Мурку"...

...Как-то на Дерибасовской я столкнулся лицом к лицу с Леонидом Шемякиным. Он шёл на Гаванную, где оставил свою служебную автомашину, и я решил его проводить.

Впереди замаячила сгорбленная фигура Маленького Изи, игравшего что-то за Одессу.

— А спорим, — обратился я к Шемякину, — как только мы подойдём к этому шарманщику, он заиграет "Мурку"?

Шемякин улыбнулся. Мы подошли поближе, и всё повторилось по обычному сценарию. Маленький Изя улыбался, глаза его блестели, и он вопросительно переводил взгляд с меня на Леонида Петровича: мол, чего изволите, господа?

— Ну да ладно, — лениво процеживая слова в своей манере и рассматривая Маленького Изию через очки в золочёной оправе, как некое реликтовое создание, неожиданно проговорил Шемякин. — Ну, "Мурка", её любите пацан знает. А вот сыграешь ли ты "Сурку"?

Маленький Изя хитро усмехнулся и, перебрав клавиши, запел:

— Как-то раз под вечер
я и Рабинович,
мы зашли в кошерный ресторан.
Там сидела Сурка,
а у неё под юбкой
дробом был заряженный наган...

Вокруг нас остановилось несколько человек, и все мы дружно зааплодировали — Молодец! — похвалил Маленького Изию Шемякин и вручил ему довольно крупную купюру...

...Длительное время я находился в командировках и, по приезду прогуливаясь по Дерибасовской, вдруг вздрогнул от громких аккордов знакомой мелодии.

Через дорогу мне махал рукой Маленький Изя, призывая подойти к нему.

Осведомившись о моём долгом отсутствии, он неожиданно спросил:

— Скажи мне, только честно (мы с ним давно уже были на "ты"), а что это за кентяра в золотых очках тогда с тобой приходил? Никак не могу понять: какой он масти? Хотя порода у него так и выпирает.

И когда я сказал Маленькому Изи, что мой товарищ работает на трудоёмком металлообрабатывающем предприятии, тот не поверил.

— Да мне и не нужно знать, кто он такой. Кент твой изредка появляется здесь в компании таких же, как он, просит сыграть "Сурку" и другие блатные песни за Одессу. Стоит и вздыхает: "Мол, Одесса уже не та, да и одесситов настоящих днём с огнём уже не найдёшь". Но чаевые даёт каждый раз щедрые, дай Бог ему здоровья!

...Как неожиданно появился Маленький Изя на Дерибасовской, так неожиданно он и исчез, как исчезло многое, что годами грело нам душу. А ведь во многом прав Леонид Шемякин: Одесса, увы, уходящая натура!

Голубиная охота

Любимым местом для дружеских посиделок в советское время у нас было кафе "Восход" на Тираспольской площади. Оно было всегда переполнено, в небольшом зале набивалось до тридцати человек. Здесь ужива-

Леонид Шемякин, один из первых членов ВКО

лись как милицейские чины, так и полукриминальные авторитеты. Кафе славилось своими цыплятами табака, фирменным блюдом его хозяйина — Саши Быковского, полжизни проработавшего коком на сухогрузах и обошедшего вокруг земной шарик не один раз. Накормить цыплятами всех жаждущих Саше помогала его красавица-жена Ира.

Была ещё одна точка общепита, где шеф-поваром работал наш приятель Валера, своим внешним видом больше напоминавший морского пехотинца. Это "Восточная кухня", находившаяся на улице Жуковского. Именно благодаря Валере мы могли попасть туда по дороге на матч любимого "Черноморца", минувшая нештучно очередь, чтобы полакомиться курицей-гриль и распить бутылочку-другую.

В глубоком подвале на Ришельевской, почти рядом с фасадным подъездом театра оперы и балета, размещалась популярная шашлычная "У бабы Ути". Здесь к шашлыкам и купатам можно было заказать дефицитные в те годы грузинские вина "Цинандали" и "Киндзмараули", и сюда мы любили приходить со своими барышнями.

Ну а просто вкусно и недорого перекусить можно было в многочисленных пельменных, разбросанных по всему городу.

И вдруг всё это в одночасье исчезло, кануло в лету, а на смену пришли соответствующие духу времени просторные, обладающие большой пропускной способностью ненашенские, а потому так манящие к себе "Макдональдсы" со своими гамбургерами и бигмаками и заменившей лимонад и ситро кока-колой.

...Вот около одного из таких "Макдональдсов" посреди Дерибасовской я повстречал Леонида Шемякина.

Мы разговорились, и в это время к Шемякину подскочил замурзанный семи — восьмилетний шкет и, дернув его за полу пиджака, попросил:

— Дядя, дай мне пару рублей!
— А может, тебе ещё дать ключи от дома, где деньги лежат? — в тон ему ответил я, но Леонид Петрович жестом руки остановил меня.

— А зачем тебе деньги? — спросил пацана Шемякин.

— Кушать сильно хочется, — промямлил тот. В двух шагах от нас с ноги на ногу переминались ещё четверо таких же гавриков.

— Хорошо, — сказал Шемякин, — идите занимайте места, а я куплю вам поесть, — и подтолкнул ошеломлённого пацана к свободным столикам.

Отстояв небольшую очередь, мы поставили перед изумлёнными пацанами пять порций биг-маков с булками, коробочки с картошкой-фри, большие пластиковые стаканы, закрытые крышками, через которые были продеты трубочки, с пенящейся в них колой и большие порции мороженого. Мы сели рядом и стали молча наблюдать за пиришеством

пацанов. Для меня Шемякин неожиданно предстал совершенно с другой стороны, не жели я его много лет знал.

— А знаешь, ведь и я в их возрасте постоянно ходил полуголодным, — вдруг заговорил Леонид Петрович. — Отец погиб на войне, мать работала на заводе, и её нищенской зарплаты нам еле хватало, чтобы не умереть с голоду. Меня, как и моих приятелей, засасывала улица. Любимым нашим занятием была охота на голубей. На Молдаванке в те годы почти в каждом дворе была голубятня. Была она и в нашем дворе, на Прохоровской. Гоняли голубей два амбала-голубятника, которые за них, не задумываясь, могли до смерти покарать человека.

Нередко во двор залетали чужаки, которые и становились нашей добычей.

Породистого голубя отлавливали сачком для ловли бабочек и несли на Охотницкую, на Староконный рынок, где за него можно было выручить небольшие деньги. Но это бывало крайне редко. Намного чаще залетали обыкновенные сизари, и на них начиналась настоящая охота.

Семилетний Лёня Шемякин считался одним из лучших стрелков из рогатки. С десяти — пятнадцати метров он мог попасть голубю прямо в голову. Пульками служили металлические болты, гайки и скобы. А попасть голубю именно в голову имело большое значение, потому как тушку затем ошпаривали и варили самый настоящий голубиный суп, чтобы потом, обжигаясь, набить им желудки и кое-как утолить голод.

Постоянное чувство голода толкало пацанов и на негласный союз с карманными ворами — щипачами, которые промышленли в трамваях.

Катание на подножках площадок и на стенках трамвая для пацанов было забавой. Самым большим шиком считалось прыгнуть с трамвая против хода его движения. Некоторые умельцы насколько владели своим телом, что, прыгнув, останавливались, как вкопанные.

Завидев щипача, пацаны ватагой заваливались в вагон с задней площадки и молча внимательно наблюдали за его действиями. Нередко щипача постигала неудача, в вагоне начинался переполох, и он устремлялся от пытавшихся его схватить людей на заднюю площадку, чтобы выпрыгнуть из вагона, а пацаны отсекали его от преследователей.

После таких удачных совместных вылазок ребяты устремлялись на 2-ю Заставу, где в одном из дворов щипачи облюбовали себе лежбище и где пацанов ждал по-настоящему вкусный обед.

— Трудно сказать, кем бы я мог стать, если бы в один прекрасный день мать, узнав о моих уличных подвигах, не взяла бы меня за руку и не привела бы к себе на завод, — задумчиво говорит Шемякин. — Образно говоря, вовремя перевела стрелку на другую колею...